

Кто «умное действующее лицо» в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»?

*В комедии "Горе от ума" кто умное действующее лицо?
Ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый мальчик, проводивший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями.*

*А.С. Пушкин — А.А. Бестужеву
Он человек заметный — Сергей Сергеевич Скалозуб.
Фамусов, герой комедии
А.С. Грибоедова «Горе от ума»*

Рассматривая конфликт комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», мы традиционно опираемся на характеристику самого драматурга, данную им в письме П.А. Катенину в конце января 1825 года: «Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас грешных был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек разумеется в противоречии с обществом его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко по-выше прочих, сначала он весел, и это порок: "Шутить и век шутить, как вас на это стане!"». Противостояние Чацкого и фамусовского общества для нас, несомненно, является основной пружиной действия комедии: прогрессист и либерал Чацкий противостоит консерватору и традиционалисту Фамусову. Оценка этого противостояния зависит от времени и наших читательских идеологических установок. В советское время конфликт пьесы трактовался следующим образом: декабрист и революционер Чацкий столкнулся с монархистом и реакционером Фамусовым, а сегодня — охранитель Фамусов пытается защитить традиционные ценности семьи и общества от нигилиста Чацкого. Ни апология традиционализма, ни апология либерализма не находят, на наш взгляд, поддержки при беспристрастном чтении и анализе грибоедовской комедии.

Во-первых, нельзя не согласиться с пушкинской интерпретацией образа Чацкого: его дарования и сатирический пафос оказываются сродни репетиловскому «пенью с чужого голоса», его пространственные монологи-обличения напоминают заученные речи, которые он произносит то в одной гостиной, то в другой как политическую программу молодого поколения, программу, которая реализуется как жизненная практика поведения. Молчалин упоминает, судя по всему, всем известный факт биографии Чацкого: «Татьяна Юрьевна рассказывала что-то, / Из Петербурга воротясь, / С министрами про вашу связь, / Потом разрыв ...» Подобная история случилась и с двоюродным братом Скалозуба, которого Фамусов характеризует «любезным» и «прекрасным человеком». Эта очевидная параллель, как и другие аналогичные, позволили исследователям комедии причислить Чацкого к представителям декабристского движения¹. Логика его поведения вполне согласуется с логикой поведения его реального исторического прототипа П.Я. Чаадаева и представляет в пьесе логику поведения целого поколения. Этой логике посвятил замечательную статью «Декабрист в повседневной жизни» Ю.М. Лотман, в которой мы находим подробный анализ выхода в отставку П.Я. Чаадаева на пике карьеры: «Так, например, современников, а затем и историков неоднократно ставил в тупик поступок П.Я. Чаадаева, вышедшего в отставку в самом разгаре служебных успехов после свидания с царем в Троппау в 1820 г. Как известно, Чаадаев был адъютантом командира гвардейского корпуса генерал-адъютанта Васильчикова. После "семеновской истории" он вызвался отвезти Александру I, находившемуся на конгрессе в Троппау, донесение о бунте в гвардии. Современники увидели в этом желание выдвинуться за счет несчастья товарищей и

¹ См. подробнее Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. — М.: Худож. лит., 1977. — 735 с.

бывших однополчан (в 1812 г. Чаадаев служил в Семеновском полку). Если такой поступок со стороны известного своим благородством Чаадаева показался необъяснимым, то неожиданный выход его в отставку вскоре после свидания с императором вообще поставил всех в тупик. Сам Чаадаев в письме к своей тетке А. М. Щербатовой от 2 января 1821 г. так объяснял свой поступок: "На этот раз, дорогая тетушка, пишу вам, чтобы сообщить положительным образом, что я подал в отставку <...> Моя просьба вызвала среди некоторых настоящую сенсацию. Сначала не хотели верить, что я прошу о ней серьезно, затем пришлось поверить, но до сих пор никак не могут понять, как я мог решиться на это в ту минуту, когда я должен был получать то, чего, казалось, я желал, чего так желает весь свет и что получить молодому человеку в моем чине считается самым лестным <...> Дело в том, что я действительно должен был быть назначен флигель-адъютантом по возвращении Императора, по крайней мере по словам Васильчикова. Я нашел более забавным пренебречь этой милостью, чем получить ее. Меня забавляло выказать мое презрение людям, которые всех презирают"². Ю.М. Лотман подчеркивает «литературный характер» поведения П.Я. Чаадаева: «Предположение, что Чаадаев своим поведением хотел разыграть вариант "русского маркиза Позы"³ (как в беседах с Пушкиным он примерял роль "русского Брута" и "русского Перикла"), проясняет "загадочные" стороны его поведения. <...> Филипп у Шиллера – не царь-либерал. Это тиран. Именно к деспоту, а не к "добродетели на престоле" обращается со своей проповедью шиллеровский Поза. Подозрительный двуличный тиран опирается на кровавого Альбу, который мог вызывать в памяти Аракчеева. Но именно тиран нуждается в друге, ибо он бесконечно одинок. Первые слова Позы Филиппу – слова о его одиночестве. Именно они потрясают шиллеровского деспота. Современникам – по крайней мере тем, кто мог, как Чаадаев, беседовать с Карамзиным, – было известно, как страдал Александр Павлович от одиночества в том вакууме, который создавали вокруг него система политического самодержавия и его собственная подозрительность. Современники знали и то, что, подобно шиллеровскому Филиппу, Александр I глубоко презирал людей и остро страдал от этого презрения. Александр не стеснялся восклицать вслух: «Люди мерзавцы! <...> О, подлецы! Вот кто окружает нас, несчастных государей!». Чаадаев прекрасно рассчитал время: выбрав минуту, когда царь не мог не испытывать сильнейшего потрясения, он явился к нему возвестить о страданиях русского народа, так же как Поза – о бедствиях Фландрии»⁴. Чаадаев – литературный прототип Чацкого, однако если в реальности поведение П.Я. Чаадаева в высшей степени драматично, он ведет себя как маркиз Поза, то поведение Чацкого в пьесе А.С. Грибоедова часто оказывается в соответствии с законами жанра комическим, он – не маркиз Поза, он встает в позу.

Во-вторых, и это, может быть, самое главное: перед кем Чацкий блистает красноречием? А.С. Пушкин в письме А.А. Бестужеву высказался по этому поводу вполне определенно: «Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека – с первого взгляду знать, с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми и тому под.»⁵ Еще более резкой оказалась оценка В.Г. Белинского в статье «Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова»: «И потом: что за глубокий человек Чацкий? Это просто крикун, фразер, идеальный шут, на каждом шагу профанирующий все святое, о котором говорит. Неужели войти в общество и начать всех ругать в глаза дураками и скотами – значит быть глубоким человеком? Что бы вы сказали о человеке, который, войдя в кабак, стал бы с одушевлением и жаром доказывать пьяным мужикам, что есть наслаждение выше вина – есть слава, любовь, наука, поэзия, Шиллер и Жан-Поль Рихтер?.. Это новый Дон-

² Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – С. 346

³ Маркиз Поза – герой драмы Ф.Шиллера «Дон Карлос».

⁴ Там же, С. 348 – 349.

⁵ Пушкин А.С. Письмо Бестужеву А. А., конец января 1825 г. Из Михайловского в Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. / Т. 10. Письма. — 1979. — С.97.

Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади... Глубоко верно оценил эту комедию кто-то, сказавший, что это горе, – только не от ума, а от умничанья. Искусство может избрать своим предметом и такого человека, как Чацкий, но тогда изображение должно было быть объективным, а Чацкий лицом комическим; но мы ясно видим, что поэт не шутя хотел изобразить в Чацком идеал глубокого человека в противоречии с обществом, и вышло бог знает что»⁶.

На наш взгляд, Грибоедов как раз и не собирался в Чацком изобразить «идеал глубокого человека». Наоборот, Чацкий смешон с момента своего появления в пьесе. Уже его фамилия рифмуется с репликой Лизы:

Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех *дурацкий* (здесь и ниже курсив мой. – С.Ф.)
Вас несколько развеселить помог.
Слуга
К Вам Александр Андреи *Чацкий*.

Сам Чацкий признается Софье, что он «растерялся весь, и падал столько раз». Мы можем воспринимать эти слова в контексте реплики героя как элемент рассказа о быстрой и опасной езде, но в контексте авторской позиции они могут намекать на состояние героя, у которого «ум с сердцем не в ладу», что можно оправдать страстной влюбленностью в Софью, а можно и не оправдывать.

Чацкий смешон, прежде всего, потому, что стрелы его сатиры направлены на того и тех, кто и так смешон. Он издевается над рабской моралью Фамусова, внушает ему страх – страх перед демонстративным свободомыслием и вызывающим поведением Чацкого слышится во всех репликах Фамусова: «Что говорит! и говорит, как пишет!», «И знать вас не хочу, разврата не терплю», «Хоть душу отпусти на покаянье!», «Не слушаю, под суд! под суд!», «Уж втянет он меня в беду», «Ах! Боже мой! что станет говорить / Княгиня Марья Алексевна!»

Страх и раздражение – это та реакция окружающих, которая превращает Чацкого в собственных глазах в героя. Он намеренно обращает на себя внимание гостей Фамусова. Ему нравится дразнить Хлестову, расхваливающую «достоинства» Загорецкого, посмеиваться над бывшей знакомицей Натальей Дмитриевной, ее мужем Платоном Михайловичем, который из товарища веселых юношеских забав и развлечений превратился в идеального московского мужа («муж мальчик, муж слуга»). Именно страхом объясняется гипертрофированная реакция на Чацкого окружающих, совокупное мнение которых точно выражает графиня бабушка: «Тесак ему да ранец, / В солдаты! Шутка ли! переменял закон! Да!.. в пусурманах он! / Ах! окаянный вольтерьянец!» Страхом же и объясняется нелепость всех этих обвинений.

Чацкому нравится его репутация умника и бунтаря. Как говорит княгиня, «Послушать, так его мизинец / Умнее всех, и даже князь Петра! / Я думаю, он просто якобинец, / Ваш Чацкий!» Но всем поклонникам романтического самоутверждения стоит помнить знаменитые слова Наполеона: «От великого до смешного один шаг». И этот шаг в комедии «помогла» сделать Чацкому Софья, от которой он всего менее этого ждал и... дождался. Чацкий так часто и так вдохновенно высмеивал возлюбленного Софьи Молчалина, что ее реакция оказалась вполне предсказуема: «Ах! этот человек всегда / Причиной мне ужасного расстройства! / Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!», «А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить, / Угодно ль на себе примерить?»

Круг замкнулся: рифма-намеки превратилась в общественный приговор герою, чуждому всем в фамусовской Москве. И хотя его прекрасноту вызывает симпатию, а в конце пьесы даже сочувствие, на наш взгляд, совершенно прав В.Г. Белинский, который назвал Чацкого «мальчиком на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади...».

---

⁶ Белинский В. Г. "Горе от ума". Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова: Второе издание С.-П.-бург. 1839 // А. С. Грибоедов в русской критике: Сборник ст. / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. — М.: Гослитиздат, 1958. — С. 184.

Стрелы сатиры Чацкого направлены против Фамусова. Но чтобы понять, что Фамусов смешон, что, как низкопоклонник, он признает только право сильного, что для него представление о человеческом достоинстве и чести определяется положением человека в обществе, Чацкий не нужен. Достаточно вслушаться в рассуждения Фамусова из монолога «Петрушка, вечно ты с обновкой», открывающего второе действие комедии:

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же.— На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет.
В четверг я зван на погребенья.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни статья, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат, и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;
Скончался; все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему! —
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши в четверг, одно уж к одному,
А может в пятницу, а может и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторше, крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить. —

Чтение календаря – своеобразная форма представления образа жизни Фамусова и фамусовского общества. При издании этого монолога традиционно курсивом выделяют три элемента, которые при перестановке создают образ человеческого бытия от рождения до смерти:

1. *«Я должен у вдовы, у докторше, крестить»*. – Рождение.
2. *«К Прасковье Федоровне в дом / Во вторник зван я на форели»*. – Образ жизни.
3. *«В четверг я зван на погребенья»*. – Смерть.

Из всех занятий в календаре Фамусов присутствует только обжорство («Ешь три часа, а в три дни не сварится»), карточная игра («Что за тузы в Москве живут и умирают»), из всех ценностей, достойных похвалы, только богатство, чины и званья («С ключом⁷, и сыну ключ умел доставить; / Богат и на богатой был женат»).

Ненависть Фамусова и фамусовского общества к свободомыслию и образованности столь очевидна, сколь и наивна, а потому нам, чтобы понять, какова истинная цена Фамусова, Хлестовой, Загорецкого, графини бабушки и графини внучки, князя и княгини Тугоуховских,

---

⁷ Золотой ключ – обязательный атрибут камергерского придворного парадного мундира.

семейной четы Горичей и иже с ними, не нужен резонер Чацкий. Он в качестве обличителя – фигура избыточная. В то же время отношение к Чацкому – своего рода лакмусовая бумага, которая проявляет истинные качества и свойства отдельных людей и общества в целом. Особую роль в этом играет слух о сумасшествии Чацкого. Те, кому свободомыслие Чацкого внушает страх, поддерживают этот слух и раздувают его, конформисты, как Горич, соглашаются с мнением большинства, отказываясь от собственной позиции («Ну, все, так верить поневоле, / А мне сомнительно»). И только те, кому не страшны стрелы сатиры Чацкого, пренебрегают откровенной ложью о его сумасшествии – это Молчалин и Скалозуб. Первый занимает самую низшую ступеньку в иерархии фамусовского общества после слуг, второй находится на верхней в этой иерархии («золотой мешок и метит в генералы»).

Казалось бы, Молчалин должен был первым поддержать слух о сумасшествии Чацкого, потому что излишняя пылливость последнего в отношении сердечного выбора Софьи может быть опасна Молчалину: если Фамусов, не дай Бог, заподозрит Молчалина в ухаживаниях за Софьей, на его карьере можно будет поставить крест. Он сам признается Лизе в своих страхах: «И при одной я мысли трушу, / Что Павел Афанасьич раз / Когда-нибудь поймает нас, / Разгонит, проклянет!..» А к словам сумасшедшего кто будет прислушиваться!? И все же Молчалин не участвует в сплетне, ограничившись лишь замечанием на обидные слова Чацкого: «Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах». Почему?

Представляется, что Молчалин не видит в Чацком серьезного противника, он легко управляет его реакциями и его мнением, как он делает это со всеми остальными. Для Фамусова Молчалин – секретарь, которого он взял к себе за его «достоинства» и вопреки правилу семейственности («При мне служащие чужие очень редки; / Все больше сестрины, свояченицы детки; / Один Молчалин мне не свой, / И то затем, что деловой»). «Плачевная краля», как называет Софью Молчалин, начиталась сентиментальных романов, а следовательно, искренне верит в «доброту чувств» и страшится непостоянства страстей («Ах! если любит кто кого, / Зачем ума искать и ездить так далеко?»). Молчалин же блестяще играет роль сентиментального влюбленного. «Возьмет он руку, к сердцу жмет, / Из глубины души вздохнет, / Ни слова вольного, и так вся ночь проходит, / Рука с рукой, и глаз с меня не сводит», – так Софья характеризует поведение Молчалина, который, что весьма показательно, по ночам играет с ней дуэтом. Игра дуэтом требует особого мастерства – умения слушать и слышать другого и подстраиваться под него.

Молчалин блестяще умеет «играть дуэтом» с любым собеседником, он всегда такой, каким его хотят видеть: с Фамусовым – деловой секретарь, с Софьей – сентиментальный воздыхатель, с Хлестовой – второй Загорецкий и «мастер услужить». А с Чацким? С Чацким – он идеальная мишень для сатиры, предмет для тренировок в красноречии и язвительности, наркотик для болезненного нарциссизма Чацкого. На фоне Молчалина Чацкий – герой и умница.

Чацкий отказывает Молчалину и в уме и в уважении: «Молчалин прежде был так глуп!.. / Жалчайшее созданье!», он презирает «смирнейшего» Молчалина и не скрывает этого: «А чем не муж? Ума в нем только мало; / Но чтоб иметь детей, кому ума не доставало?! / Услужлив, скромненький, в лице румянец есть. / Вот он на цыпочках, и не богат словами». Он искренне удивляется тому, что у Молчалина могут быть хоть какие-то таланты, что жизнь его может быть сколько-нибудь событийна. Он и обращается к нему фамильярно-уничижительно, соединяя свидетельствующее о близости обращение «Алексей Степаныч» с «начальственным» междометием «ну». И действительно, как можно относиться к человеку, который говорит о себе: «В мои лета не должно сметь / Свое суждение иметь», – который убежден, что «надобно зависеть от других», потому что сам «в чинах небольших». Свободолюбивый и независимый Чацкий не видит в Молчалине соперника: «С такими чувствами, с такой душою / Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!» Чацкий – человек действия, ему невдомек, что любить можно «бессловесных». Ему не понять, что Молчалин в воображении Софьи – идеальный герой сентиментального романа, «чувствительный человек»: «Он наконец: уступчив, скромн, тих, / В лице не тени беспокойства / и на душе проступков никаких».

Чацкий нечувствителен к выбору других, к их позиции. Для него в мире существует только одна правда, и, конечно, это его правда, только один достойный образ жизни и образ мысли, его собственный, который, по выражению Софьи, «скор, блестящ и скоро опротивит». Но если самовлюбленный нарцисс Чацкий не замечает открытой иронии Софьи, то как ему заметить иронию и издевку в словах Молчалина, которого он и за человека-то не считает. Но Молчалин знает его уязвимые места: честолюбие («с министрами про вашу связь, / Потом разрыв») и тщеславие. «Нет, мне так довелось с приятностью прочесть, / Не сочинитель я», – говорит он о сочинениях Фомы Фомича и одновременно намекает на литературные опусы самого Чацкого, о котором еще в начале пьесы Фамусов сказал: «Что говорит! и говорит, как пишет!» Увы, Чацкий столь наивен в своем самолюбовании, что лицемеру и лицедею Молчалину обвести его вокруг пальца не составляет никакого труда. Логика этого гениального манипулятора предельно проста: «Вы хотите видеть во мне жалкое ничтожество – пожалуйста, во всяком случае Вам никогда не догадаться, кто счастливый избранник Софьи, а значит, моим достижениям в доме и на службе у Фамусова («три награждения получил») ничто не угрожает».

Молчалину выгодно в глазах Чацкого выглядеть жалким рабом, как в глазах Софьи – «чувствительным человеком», в глазах Фамусова – деловитым и толковым помощником, в глазах Хлестовой – внимательным и чутким собеседником и так далее. «Угождать всем людям без изъятия» для него значит уметь пользоваться их слабостями и капризами в своих целях. Молчалин не опускается до примитивной лжи о сумасшествии Чацкого, потому что не боится своего пылкого и простодушного соперника.

Чацкий, высмеивая пороки фамусовского общества, пройдет мимо незначительной фигуры Молчалина и не увидит того, что видит Грибоедов: показное лицемерие смешно и нелепо, как действия старшего поколения в комедии, но скрытое от других лицемерие – опасное оружие в руках умелого манипулятора человеческими чувствами, страстями и мыслями. В реальности Молчалины вырастают в Победоносцевых, такие, как он, превращаются в «серых кардиналов» при своих господах, их «таланты» оборачиваются страшными бедствиями для окружающих.

В комедии жертвой изворотливого ума и лицемерного «артистизма» Молчалина оказывается Софья, но Грибоедов показывает нам, зрителям и читателям, разрушительный потенциал этого человека. «Молчалины блаженствуют на свете» не потому, что «нынче любят бессловесных», а потому что они играют на слабых струнах человеческих сердец и таким образом с дьявольской изощренностью манипулируют нами. Фамусов смешон, но не страшен, Молчалин при пристальном рассмотрении не смешон, а страшен. Грибоедов видит то, чего не способен видеть его герой, и открывает такую правду о фамусовском обществе и механизмах его существования, что холодок пробегает по позвоночнику.

И все-таки Грибоедов написал комедию «Горе от ума», а не драму «Горе уму», как называлась пьеса в черновых вариантах. Дело комедиографа – вывести на чистую воду пороки общества. И Грибоедову удалось то, с чем не справился его герой. А значит, хотя бы на сцене зло и коварство посрамлено и мы торжествуем победу над фамусовским обществом, которую не смог одержать Чацкий.

Но если противостояние Чацкого и Молчалина в пьесе представлено в диалоге, напоминающем психологический поединок, в котором побеждает лицемер Молчалин и проигрывает высокомерный и прямодушный Чацкий, то с главной персоной фамусовского общества – Скалозубом Чацкий не вступает в препирательства, не обрушивает на него свои обличительные монологи, как будто солдафон, «Хрипун, удушенный, фагот, / Созвездие маневров и мазурки» вовсе не заслуживает его внимания и его сатирического пафоса. Да и мы, читатели и зрители комедии, давно согласились с характеристикой Скалозуба, которую дает ему Софья в начале комедии: «Куда как мил! и весело мне страх / Выслушивать о фронте и рядах; / Он слова умного не выговорил сроду». Однако мы попытались показать близорукость Чацкого в оценке Молчалина и доверчивость Софьи, любительницы сентиментальных романов, так, может быть, не стоит доверять их мнению и в оценке Скалозуба и, наоборот, стоит прислушаться

к мнению бойкой и сообразительной служанки Софьи Лизы: «И Скалозуб, как свой хохол закрутит, / Расскажет обморок, прибавит сто прикрас; / Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!». Именно она точно определяет его первенствующее положение в обществе: «золотой мешок и метит в генералы», к чему мы еще вернемся, она в отличие от Софьи знает истинную цену и чувствам и «достоинствам» Молчалина. Может быть, мнение проницательной Лизы, которое содержит намек на восприимчивость Скалозуба к веяниям времени и высокая оценка его «литературных дарований», предполагающих наличие у него ума, гораздо ближе к истине, чем характеристики Чацкого и Софьи.

Воспользуемся для характеристики образа Скалозуба советом А.С. Пушкина из уже неоднократно цитировавшего письма к А.А. Бестужеву: «Драматического писателя следует судить по законам им самим над собой поставленным»⁸ и попытаемся рассмотреть реплики Скалозуба в контексте драматических ситуаций (кому говорит, с кем говорит, по какой причине и с какой целью). Начнем же с некоторых общих наблюдений.

Во-первых, Скалозуб прост в общении и не любит церемоний, что видно по его реакции на хлопоты Фамусова вокруг дорогого гостя в начале пьесы («Зачем же лазить например / Самим!.. Мне совестно, как честный офицер»). Он не пытается использовать родство как средство установления выгодных связей и отношений, во всяком случае, именно так можно расценить его реакцию на попытку Фамусова установить степень родства со Скалозубом. На вопрос Фамусова «Кем вам доводится Настасья Николавна?» Скалозуб отвечает то ли посолдафонски, то ли иронически: «Не знаю-с, виноват; / Мы с нею вместе не служили». Он лишен высокомерия, которое так раздражает окружающих в Чацком: прощаясь с Молчалиным он жмет ему руку и сопровождает рукопожатие вежливым «Ваш слуга».

Во-вторых, он – настоящий профессионал. Его военная биография нам известна с его собственных слов:

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;

Не жалуясь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

За третье августа, засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Традиционно последнее свидетельство рассматривают как саморазоблачение ограниченного и не очень умного солдафона, который прячется за чужие спины. Эти слова приводят в качестве доказательства того, что главными качествами Скалозуба являются карьеризм и трусость. Это мнение стало общим местом интерпретации образа Скалозуба, например, в современных комментариях к комедии мы читаем: «По сообщению М.В. Нечкиной (см.: Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 277—278), 3 августа 1813 г. никаких боевых действий не было, так как до 14 августа действовало Плесвицкое перемирие, русские войска стояли в Богемии и офицерство в основном веселилось в Праге, где в этот день состоялось свидание Александра I с австрийским императором Францем II. По этому случаю было

---

⁸ Пушкин А. С. Письмо Бестужеву А. А., конец января 1825 г. Из Михайловского в Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. / Т. 10. Письма. — 1979. — С. 96.

роздано множество наград. Орден Скалозуба, таким образом, был получен не за реальное боевое дело; «подвиг» его в том и состоял, что они "засели в траншею"⁹. Однако вряд ли это соответствует действительности.

Служебная карьера Скалозуба связана со службой в пехотных егерских полках, которые часто выполняли боевые задачи специального назначения, выражаясь языком современным. Отбор в егерские полки был строгим: «В егеря выбирались люди «самого лучшего и проворного и здорового состояния». Офицеров для егерей велено было назначать таких, которые отличаются особою расторопностью и «искусным военным примечанием различностей всяких военных ситуаций и полезных, по состоянию положений военных, на них построений»¹⁰. Вряд ли в «войска специального назначения» мог попасть трусливый офицер. Кроме того, брат Скалозуба – один из представителей молодого поколения, которое «набралось каких-то новых правил», а значит, если мы уличили Скалозуба в трусости, то тень неизбежно падает и на его двоюродного брата, а это не соответствует действительности. А.Л. Гришунин в комментариях к Грибоедовской комедии приводит авторитетное свидетельство знатока русских орденов: «Согласно разъяснению В.М. Глинки (Гос. Эрмитаж), «с бантом» — несомненно, орден Владимира IV степени, а «на шею» — почти бесспорно, Анны II степени: Владимира IV степени Скалозуб уже, очевидно, имел — согласно старшинству орденов. Если бы ему дали Владимира III степени, это нарушило бы принятую последовательность награждений»,¹¹ однако забывает упомянуть одно весьма важное обстоятельство, на которое обратила внимание современная исследовательница жизни и творчества Грибоедова Е. Цимбаева: «Скалозуб отличился вместе с двоюродным братом, о котором Фамусов спросил: «Имеет, кажется, в петличке орденок?» Но Скалозуб поправил, оскорбившись: «Ему дан с бантом, мне на шею», – и пусть Фамусов не путает! До 1828 года только одну награду Российской империи носили с бантом из орденской ленты: орден Владимира 4-й степени с бантом. В отличие от Владимира той же степени в петлице, орден с бантом можно было заслужить исключительно на поле боя за личный подвиг и никак иначе. Такой орден во время войны вручался довольно часто: по данным исследования всех обнаруженных формулярных списков офицеров – участников Бородинского сражения, 20 процентов их имели Владимира с бантом. Зато в мирное время получить его было абсолютно невозможно, и он пользовался большим уважением, уступая только георгиевскому кресту. «На шее» же (то есть только на шее, без дополнительной звезды и ленты) носили орден Анны 2-й степени или орден Владимира 3-й степени. Скалозуб равно мог получить одну из этих наград. Они считались почетными, но вручали их не только за воинские подвиги, а за всевозможные заслуги (например, Карамзин получил Владимира 3-й степени за сочинение «Истории государства Российского», а сам Грибоедов – Анну 2-й степени (правда, с бриллиантами, что выше) за Туркманчайский договор). Так что награда Скалозуба хотя степенью выше, чем у его брата, но менее ценна в глазах военных: Скалозуб, допустим, стрелял из траншеи, а его кузен сделал вылазку и взял в плен офицера врага. Грибоедов, откровенно презиравший знаки отличия, среди своих наград гордился только простой медалью участника русско-персидской войны 1826 – 1828 годов. Скалозуб истинной военной награды не имел»¹².

Если совместить два выше приведенных свидетельства, получается, что Скалозуб имел награды разного достоинства и среди них полученные за реальные боевые действия, то есть у него уже мог быть орден Владимира 4 степени с бантом его наградили орденом Анны 2 степени или Владимира третьей. А как же быть с «третьим августа»? Александр Немировский

⁹ Гришунин А.Л. Комментарии // Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: В 3 т. — СПб.: Нотабене, 1995—2006. — Т. 1: Горе от ума. — 1995. — С. 257—346. — С. 314

¹⁰ Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В. Ф. Новицкого и др. — СПб.: т-во И. В. Сытина, 1911—1915. / Т. 9. — СПб., 1912, С. 285.

¹¹ Гришунин А.Л. Комментарии // Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: В 3 т. — СПб.: Нотабене, 1995—2006. — Т. 1: Горе от ума. — 1995. — С. 257—346. — С. 315

¹² Цимбаева Е. Художественный образ в историческом контексте (Анализ биографий персонажей «Горя от ума») // Вопросы литературы, 2003, № 4

убедительно доказал, что М.В. Нечкина допустила оплошность, она не учла, что Скалозуб приводит дату по новому стилю и, следовательно, в реальности речь может идти об активных военных действиях в Европе, в которых участвовал 30-й егерский полк, в котором служили Скалозуб и его двоюродный брат. Егерские полки входили в состав Силезской армии, которая как раз начала активные боевые действия 15 августа по старому стилю¹³. Косвенно такая трактовка упоминаемых в комедии событий биографии Скалозуба, дезавуирующих сложившееся мнение о его трусости, подтверждается и черновой редакцией описания событий 3-го / 15-го августа 1813 года: «За 3-тье августа, мы брали батарею. / Ему дан с бантом, мне на шею».

Как ни странно, то, что современный читатель воспринимает как рассказ искателя чинов о способе их достижения («Довольно счастлив я в товарищах моих, / Вакансии как раз открыты; / То старших выключат иных, / Другие, смотришь, перебиты»), может рассматриваться как проявление профессионального отношения военного человека к смерти, в котором присутствует известная доля простодушного цинизма. Достаточно вспомнить, как литературный современник Скалозуба профессиональный военный Долохов из романа Л.Н.Толстого «Война и мир» говорит о смерти Пети Ростова: «Долохов слез с лошади и подошел к неподвижно, с раскинутыми руками, лежавшему Пете.

— Готов, – сказал он, нахмурившись, и пошел в ворота навстречу ехавшему к нему Денисову.

— Убит?! – вскрикнул Денисов, увидав еще издалека то знакомое ему, несомненно безжизненное положение, в котором лежало тело Пети.

— Готов, – повторил Долохов, как будто выговаривание этого слова доставляло ему удовольствие... [Л.Н Толстой «Война и мир», том IV, часть третья, глава 11].

Для человека военного смерть в бою – лучший выбор, о чем недвусмысленно написал современник Скалозуба Денис Давыдов в знаменитом стихотворении «Песня»:

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постеле господином!
То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!
Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мне золотой!

Не с такого ли рода цинизмом известного гусара и бретера Каверина столкнулся и сам А.С. Грибоедов во время дуэли Шереметьева и Завадовского, которую он отчасти и спровоцировал и в которой участвовал как секундант.

Каверин был свидетелем дуэли своих друзей графа Завадовского и Шереметева из-за красавицы балерины Истоминой, которая, как известно из первой главы пушкинского романа, «то стан совет, то разовьет, то легкой ножкой ножку бьет». Грибоедов после спектакля привез Истому к своему другу Завадовскому, и та провела там два дня, а ее бывший покровитель

---

¹³ См. об этом содержательную статью с комментариями в «Живом журнале» старшего научного сотрудника Центра истории Древнего Востока Института всеобщей истории РАН, к.и.н. Александра Немировского: <http://wyradhe.livejournal.com/16447.html>, материалами которой автор любезно разрешил нам воспользоваться.

Шереметев, распаленный любителем «красивых» сцен и жестоких дуэлей Якубовичем, узнав об этом, вызвал Завадовского на дуэль. Эта история наделала много шума в обществе, и, естественно, Каверин, приятель обоих дуэлянтов и их секундантов: Грибоедова и Якубовича, – которые также предполагали драться, не мог упустить случая поучаствовать в происходящем. Как же вел он себя во время дуэли? Об этом свидетельствуют очевидцы. В версии доктора Иона эта история выглядит следующим образом: «Первый стрелял Шереметев и слегка оцарапал Завадовского: пуля пробила борт сюртука около мышки. По вечным правилам дуэли Шереметеву должно было приблизиться к дулу противника... Он подошел. Тогда многие стали довольно громко просить Завадовского, чтобы он пощадил жизнь Шереметеву.

— Я буду стрелять в ногу, – сказал Завадовский.

— Ты должен убить меня, или я рано или поздно убью тебя, – сказал ему Шереметев, услышав эти переговоры. — Зарядите мои пистолеты, – прибавил он, обращаясь к своему секунданту.

Завадовскому оставалось только честно стрелять по Шереметеву. Он выстрелил, пуля пробила бок и прошла через живот, только не на вылет, а остановилась в другом боку. Шереметев навзничь упал на снег и стал нырять по снегу, как рыба. Видеть его было жалко. Но к этой печальной сцене примешалась черта самая комическая. Из числа присутствующих на дуэли был Каверин, красавец, пьяница, шалун и такой сорви-голова и бретер, каких мало... Когда Шереметев упал и стал в конвульсиях нырять по снегу, Каверин подошел и сказал ему хладнокровно: «Вот те, Васька, и редька!»

Друг Грибоедова Жандр, не присутствующий на дуэли и, следовательно, знавший обо всем произошедшем со слов Грибоедова, внес некоторые дополнения и уточнения: «Завадовский выстрелил. Удар был смертельный – он ранил Шереметева в живот. Шереметев несколько раз подпрыгнул на месте, потом упал и стал кататься по снегу. Тогда-то Каверин и сказал ему, но совсем не так, как говорил Ион: «Вот тебе, Васька, и редька», – это не имеет никакого смысла, а довольно известное выражение русского простонародья: «Что, Вася, Репка?» Репа ведь лакомство у народа, и это выражение употребляется им иронически, в смысле: "Что же? вкусно ли? хороша ли закуска?"»¹⁴. Как бы то ни было, шутка Каверина весьма жестока, если не цинична: кадровый военный, участник войны 1812 года, он отлично знал, что ранение в живот смертельно. Но роль бретера и лихого гусара требовала и цинически иронического отношения к смерти. В поведении Каверина знаковое, ролевое доминирует над непосредственным и человеческим, во всяком случае, в описании свидетелей случившегося. Так почему же мы не можем «заподозрить» подобного рода цинизм и в высказываниях о военной карьере Скалозуба. Наконец, современник А.С. Грибоедова и его добрый приятель Ф.В. Булгарин в своих воспоминаниях писал: «Смерть – ничто! К ней должен быть приготовлен каждый воин с той минуты, как надел мундир».

В-третьих, несмотря на внешнюю грубость, Скалозуб не чужд изящных веяний моды. На это обратил внимание Ю.М. Лотман: «В предыстории русского дендизма можно отметить немало заметных персонажей. Одни из них так называемые хрипуны. В цитированном уже «Романе в письмах» Пушкина один из друзей пишет Владимиру: «Ты отстал от своего века (действие романа происходит во вторую половину 1820-х годов. – Ю. Л.) и сбиваешься на *сi-devant* гвардии хрипуна 1807 года». «Хрипуны» как явление уже прошедшее упоминаются Пушкиным в вариантах «Домика в Коломне»:

...Гвардейцы затяжные,
Вы, хрипуны
(но хрип ваш приумолк).

Грибоедов в «Горе от ума» называет Скалозуба: «Хрипун, удушенный, фэгот». Смысл этих военных жаргонизмов эпохи до 1812 года современному читателю остается непонятным. В сознании его вырисовывается образ хрипящего старика. Такое понимание закрепил

---

¹⁴ См. подробный рассказ об этой дуэли в книге Я.А.Гордина «Дуэли и дуэлянты»: Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. – СПб.: Пушкинский фонд, 1996. – С. 67 – 75.

своим авторитетом К.С. Станиславский. В мхатовской постановке «Горя от ума» роль Скалозуба исполнял Л.М. Леонидов, загримированный под пятидесятилетнего генерала (у Грибоедова – полковник!), тучного, с крашеными волосами. Грибоедовский герой, однако, совсем не соответствует этому образу. Прежде всего он молод (ср. слова Лизы: «...служите недавно»), однако уже полковник, хотя на войну попал только в 1813 году (демонстративное исключение его из числа участников войны 1812 года весьма знаменательно). Все три названия Скалозуба («Хрипун, удавленник, фагот») говорят о перетянутой талии (ср. слова самого Скалозуба: «И талии так узки»). Это же объясняет и пушкинское выражение «Гвардейцы затяжные» – то есть перетянутые в поясе. Затягивание пояса до соперничества с женской талией – отсюда сравнение перетянутого офицера с фаготом – придавало военному моднику вид «удавленника» и оправдывало название его «хрипуном».

Представление об узкой талии как о важном признаке мужской красоты держалось еще несколько десятилетий. Николай I туго перетягивался, даже когда в 1840-х годах у него отрос живот. Он предпочитал переносить сильные физические страдания, лишь бы сохранить иллюзию талии. Мода эта захватила не только военных. Пушкин с гордостью писал брату о стройности своей талии: "На днях я мерился поясом с Евпраксией и тальи наши нашлись одинаковы. Следовательно из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мушкетера"¹⁵. Эта пространная цитата из статьи великого ученого с весьма выразительным названием «Русский дендизм» объясняет особое внимание Скалозуба к своей внешности и впечатлению, которое он вызывает у окружающих.

То же внимание Скалозуба к внешнему лоску можно констатировать, если вспомнить комментарий С.А. Фомичева к слову «хрип», от которого происходит прозвище «хрипун», данное Скалозубу Чацким: «По словам Вяземского, великий князь Константин Павлович, который «обогастил гвардейский язык многими новыми словами и выражениями», был между прочим и автором слова «хрип», что «означало какое-то хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хрипкостью голоса» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Пб., 1883, с. 139—140). Несколько иначе толкует это слово Булгарин: «Офицеров, которые употребляли всегда французский язык вместо отечественного и старались отличиться светскою ловкостью и утонченностью обычаев, у нас называли хрипунами оттого, что они старались подражать парижанам в произношении буквы r (grasseyer)» (Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1846, с. 140—141). По всей вероятности, с этой кличкой связывалось все-таки понятие о гусарстве как особом стиле поведения части русского офицерства»¹⁶.

Стремление внешне соответствовать духу времени выгодно отличает Скалозуба от его боевых товарищей. Именно об этом свидетельствует реакция Скалозуба на слова Чацкого о пристрастии общества к мундирам из знаменитого монолога «А судьи кто?»:

Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали:
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

¹⁵ Лотман Ю.М. Русский дендизм // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – 128 – 129.

¹⁶ Фомичев С. А. К творческой истории поэмы "Домик в Коломне": (Наблюдения над рукописью) // Временник Пушкинской комиссии, 1977 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. — С. 52 (сноска)

Формально Скалозуб, который до этого не вмешивался в диалог Чацкого с Фамусовым и наблюдал со стороны за политическими страстями спорщиков, вторит Чацкому, как будто не замечая его иронии:

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам,
Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!
А в первой армии когда отстали? в чем?
Всё так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтём,
Что даже говорят, иные, по-французски.—

Е. Цимбаева видит в этих словах егерского пехотного полковника естественную ревность к красавцам гвардейцам: «... в егерских полках периода Отечественной войны 67,5 процента офицеров умели только читать и писать! Ни в одном другом роде войск дело с образованием не обстояло столь плохо. Странно ли, что Скалозуб, одетый в простой, без всяких украшений, пехотный мундир, питает неприязнь, замешенную на зависти, «к любимцам, к гвардии, к гвардейцам, к гвардионцам». Их шитые золотом мундиры, конечно, привлекали барышень, но не менее привлекали их некоторая начитанность, умение хоть несколько говорить по-французски и танцевать»¹⁷. Однако, на наш взгляд, ситуация несколько сложнее. При такой трактовке не совсем ясно, почему человек в мундире не отреагировал на обидные слова в свой адрес. Если мы вспомним, что спору Чацкого с Фамусовым предшествовала беседа хозяина дома со Скалозубом, во время которой и в присутствии Чацкого последний признался: «Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы; / Об них как истинный философ я сужу; / Мне только бы досталось в генералы», будет ясно, что стрелы сатиры Чацкого направлены не только в Фамусова, но и в его гостя. Неужели тот так глуп, что пропустил обидные для себя слова Чацкого мимо ушей и, наоборот, ухватился за то, что грело его «егерскую» душу. Думается, это и так и не совсем так.

Вспомним, Скалозуб, по свидетельству Лизы, – один из многих современных шутников и пересмешников, чей злой язык вошел в моду («Ведь нынче кто не шутит»). Собственно, фамилия героя при перестановке корней легко превращается в характеристику его сатирических наклонностей: Скалозуб – зубоскал. Подтверждением этому служит и реакция на событие, совершившее переполох в доме Фамусова и приведшее к обмороку Софьи. До того как Лиза сообщила, что Молчалин упал с лошади, потому что, как мгновенно сообразил профессионал Скалозуб, этот «жалкий ездок» «поводья затянул», мы услышим то ли язвительный, то ли простодушный вопрос «дорогого гостя»: «Уж не старик наш дал маху?» Таким образом, можно догадаться, что Фамусов с его архаичной любовью к лизоблюдам, наподобие Максима Петровича, смешон не только для Чацкого.

Так почему же Скалозуб не отреагировал на обидные для себя слова Чацкого? Неужели не понял или не заметил? Вряд ли... Скалозуб легко ставит диагноз людям, подобным Чацкому, к коим относится его двоюродный брат и двойник Чацкого: «Но крепко набрался каких-то новых правил. / Чин следовал ему: он службу вдруг оставил, / В деревне книги стал читать». На наш взгляд, прекрасно понимая, что в прямом риторическом столкновении он, скорее всего, проиграет Чацкому, как проиграл ему в словесном поединке Фамусов, Скалозуб выбирает тактику неожиданную, как неожиданна в правильном бою тактика «рассыпного строя», которую использовали егеря. Скалозуб не защищает привычки прошлого, не клянет свободумыслия и свободу действия, он «заходит с тылу» и поддерживает Чацкого в его филиппиках,

---

¹⁷ Цимбаева Е. Художественный образ в историческом контексте (Анализ биографий персонажей «Горя от ума») // Вопросы литературы, 2003, № 4

превращая продолжение идеологических баталий в абсурд. Действительно, в споре с Фамусовым Чацкий на каждую реплику своего оппонента отвечает сатирической отповедью. Даже объем каждой следующей тирады в споре становится все больше и больше с двух сторон, что недвусмысленно говорит о накале страстей, пока Фамусов, обуреваемый страхом, не убегает с поля битвы:

Фамусов (про себя)
Уж втянет он меня в беду.
(Громко)
Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.
(Уходит)

Неожиданная «поддержка» со стороны Скалозуба лишает Чацкого «творческой» инициативы, а неожиданное появление Софьи лишает нас возможности узнать, как продолжился бы разговор Чацкого со Скалозубом, но и по тому, что мы услышали, можно предположить, что склонный к пересмешничеству Скалозуб не столь наивен и груб, как может показаться на первый взгляд. Он, может быть, прямолинеен, но ему не надо искать оправдания своей «философии жизни». Его бытовая реакция на патетические слова Чацкого простодушна и цинична, но именно этот простодушный цинизм выбивает у Чацкого почву под ногами: ему не о чем спорить со Скалозубом, но и Скалозуб не будет с ним спорить и уж точно его не испугается. Он слишком уверен и в себе и в незыблемости выбранной системы ценностей, чтобы растеряться, как Фамусов, от риторического напора Чацкого. Скорее, Чацкий растеряется от очевидной нелепицы слов Скалозуба, который вроде бы принимает его сторону, но совершенно не разделяет его убеждений. Ум и практичность Скалозуба «истинного философа» фамусовского общества представляют собой сплав цинизма, уверенности в себе и, главное, в том, что в любом споре есть аргументы, которым нечего противопоставить – это власть и сила.

Попытаемся рассмотреть, с этой точки зрения, и другие одиозные, по мнению большинства читателей и критиков комедии Грибоедова в прошлом и настоящем, реплики Скалозуба. И сделаем это вновь по законам драмы: то есть рассмотрим каждую реплику в контексте сценического события. Это поможет нам увидеть «нового» старого Скалозуба.

Очевидным свидетельством «солдафонства» Скалозуба для большинства читателей оказывается его препирательство с Хлестовой на балу в доме Фамусова. Действительно, на первый взгляд, попытка объяснить почтенной пожилой женщине, что мундиры разных полков следует различать по «выпушкам, погончикам, петличкам». Но это так только в том случае, если мы не учитываем ситуации, в которой Скалозуб «читает лекцию» Хлестовой о любимом предмете своей жизненной философии.

Что предшествовало разговору Хлестовой со Скалозубом? Сначала Чацкий с хохотом (эта ремарка Грибоедова явно подчеркивает, что Чацкий хочет обратить внимание присутствующих и к сомнительным похвалам Хлестовой Загорецкому и, главное, к ней самой) высмеивает ее и ее слова, вызывая у нее нескрываемое раздражение:

Хлестова
Кто этот весельчак? Из звания какого?
София
Вон этот? Чацкий.
Хлестова
Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцевала,
Я за уши его дирала, только мало.

Хлестова ясно обозначает «правила жизни» фамусовского общества: формальное почтение к старости и неформальное уважение к чинам и званиям. Первое легко можно найти в словах

покидающей дом Фамусов графини внучки: «Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать! / Как-кие-то уроды с того света, / И не с кем говорить, и не с кем танцевать». Эти слова оказываются обращены к графине бабушке, которая, словно подтверждая слова внучки, признается: «Поетем, матушка, мне прафо не под силу, / Когда-нибудь я с пала та в могилу». Такие вот родственные чувства царят в фамусовском обществе. Второе мы находим в словах Фамусова, который появляется на сцене сразу после того, как Хлестова высмеял Чацкий:

Те же и Фамусов
Фамусов (громогласно)
Ждем князя Петра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился там в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет; кажется, что нет. — Он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалозуб.
Хлестова
Творец мой! оглушил, звончее всяких труб!

Из этой реплики следует, что хозяин дома делит гостей на разряды: есть такие незначительные и незаметные персоны, как князь Петр Ильич, а есть такие важные лица, как Скалозуб. Это не может не понимать Хлестова, которая задается естественным в этой ситуации вопросом: а по какому разряду Фамусов числит ее. Формально она занимает самое высокое положение среди женской половины гостей: она родная тетка Софьи по материнской линии и невестушка Фамусова. Именно этим объясняется ее реакция на хохот Чацкого, хохот, который выводит ее из равновесия, а теперь еще и свояк раздражает ее нелепыми вопросами, ответ на которые она вскорости получит, когда на сцене явится Скалозуб.

Те же и Скалозуб, потом Молчалин
Фамусов
Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.
(Подводит к Хлестовой)
Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлестова (*сидя*)
Вы прежде были здесь... в полку... в том... в гренадерском?

Скалозуб (*басом*)
В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетерском.

Хлестова
Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб
А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов
Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу.—
(Его и князя уводит с собою)

Хлестова (*Софии*)
Ух! я точнехонько избавилась от петли;

Ведь полоумный твой отец;
Дался ему трех сажень удалец,
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Очень важную роль для понимания происходящего на сцене играют авторские ремарки, которые мы часто выпускаем из виду. Первая ремарка «подводит к Хлестовой» вроде бы подтверждает высокий статус Софьиной тетки в доме Фамусова, но в том-то и дело, что это не так. Этикет требует, чтобы гостя представляли близкой родственнице, мужчину – женщине, тем более что Скалозуб потенциальный жених Софьи и, судя по словам Фамусова, он не раз обсуждал эти планы с невестушкой. Однако, нарушая все правила вежливости и следуя другим правилам, согласно которым руководствоваться надо не приличиями, а представлениями о влиянии человека в обществе, Фамусов представляет Хлестову Скалозубу. И конечно, она в ту же секунду узнает, к кому разряду гостей она относится. Сначала над ней посмеялся Чацкий, а теперь Фамусов тоже демонстрирует свое к ней пренебрежение. Естественно, она пытается вернуть себе значительную роль в доме свояка. Она говорит со Скалозубом «сидя». А разве она должна была вскочить и по-военному отдать честь вошедшему полковнику? Конечно, нет. Положение «сидя» подчеркивает ее попытку продемонстрировать свое превосходство над Скалозубом, в противном случае эта авторская ремарка оказывается избыточной. Прерывающийся паузами ритм речи Хлестовой, которая делает вид, что не считала для себя необходимым запоминать многочисленные рассказы Фамусова о Скалозубе, так же косвенно свидетельствует о попытке вернуть себе ведущее положение в доме Фамусова. Но эти «женские фокусы» мало интересуют Скалозуба, поэтому он нелюбезно и басом (а разве у него дискант!) объясняет «старейшей женщине, страдающей склерозом» (именно так он к ней относится), что шефом полка, которым он командует, является великий князь¹⁸ и, соответственно, ей не следовало бы быть такой рассеянной, когда перед ней такая важная персона. Скалозуб учит Хлестова разбираться в мундирах, как будто подчеркивая, что всякий член общества должен понимать, с кем имеет дело и кто находится на вершине социальной пирамиды. В доме Фамусова – это он, полковник Скалозуб, он как скала возвышается над всеми и буквально нависает над Хлестовой. Мундиры полков русской армии утверждали, а иногда и лично проектировали государи императоры, следовательно, «выпушки, погончики, петлички» – это знаки отличия, по которым должно судить о человеке и его роли в обществе. Хлестова не следует этому правилу и потому вызывает гнев Скалозуба.

Скалозуб – человек твердых правил, которые он не позволяет нарушать никому. Хлестова «наступила на собственные грабли»: она знала «из звания какого» Скалозуб, но решила пренебречь этим, потому что была по-человечески оскорблена и унижена сначала язвительными репликами Чацкого, а потом действиями и словами Фамусова. Скалозуб «поставил ее на место». Так он поступает со всеми, кто не следует неписанным законам социальной жизни, которые вызывают гнев и раздражение Чацкого и которые превращает в философию жизни Скалозуб. Эта философия может быть и цинична и примитивна, но зато позволяет «хрипуну и угнетеннику» достигать «степеней известных».

Скалозуб не участвует в травле Чацкого не из человеколюбия или благородства, он не поддерживает инициативы Фамусова «собрать бы книги все да сжечь» не из пристрастия к свободомыслию и образованию, он рассуждает прагматично:

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших okazji.

---

¹⁸ Судя по тому, что Скалозуба называют «хрипуном», а, как выше было уже сказано, слово «хрип» ввел в светский лексикон потенциальный наследник престола великий князь Константин Павлович, именно он является не названным шефом Ново-землянского мушкетерского полка (кстати, такого полка в русской армии не было, а мушкетерские пехотные полки были упразднены еще перед войной 1812 года), которым командует Скалозуб.

Он участвовал в заграничных походах русской армии и знает, что европейский социальный стандарт предполагает уважение к книжной культуре, а потому «для больших okazji» книги можно сохранить, чтобы создать видимость цивилизованности. Екатерина Великая пригласила в Россию нищего философа-просветителя Дени Дидро, выкупила его огромную библиотеку, оставив ее ему в пожизненное пользование, заплатила ему жалованье на пятьдесят лет вперед за работу библиотекарем в собственной библиотеке и отправила его на родину в золоченой карете.

Скалозуб – человек государственный и мыслит по-государственному, потому просто-душно и цинично различает внешние проявления социальной жизни (изящество, манеры, французский язык, крой мундира, библиотеки) и внутреннюю логику («раз, два»). «Золотой мешок», который «метит в генералы», он знает, что самыми надежными источниками власти являются золото и булат:

Всё мое, сказало злато;
Всё мое, сказал булат.
Всё куплю, сказало злато;
Всё возьму, сказал булат.

(А.С. Пушкин «Золото и булат»)

Если бы Скалозуб знал пушкинское стихотворение с таким названием, он, не сомневаясь, подписался бы под каждой строчкой великого поэта, но только сделал бы это не с горькой иронией, а в полной уверенности в точности выражения смысла власти, к которой он стремится, продвигаясь по карьерной лестнице («мне только бы досталось в генералы»). Пушкинское стихотворение-притчу можно рассматривать как своеобразную квинтэссенцию жизненной философии Скалозуба. Собственно, об этом он говорит в финале пьесы Репетилову, который зовет на дружескую пирушку к свободомыслящей молодежи. Против философии либеральных умников, подобных Чацкому, двоюродному брату, князю Федору и иже с ними, у него есть самый надежный и беспроегрышный аргумент:

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.

Что ж... история очень быстро подтвердила правоту Скалозуба: сначала 14 декабря 1825 года на Сенатской площади Санкт-Петербурга, а потом в Московском благородном пансионе при университете, куда с инспекцией наведася 11 марта 1830 года государь император Николай I. Ссылаясь на воспоминания Д.А.Милютин, военного министра при Александре II, Ю.М. Лотман так описал это важное событие в истории российского образования и свободомыслия: «11 марта 1830 г. <...> над пансионом грянул гром: без предупреждения, без свиты, один, в пансион неожиданно пожаловал император. Он попал в пансион во время перемены и не только не был никем встречен, но его буквально затолкала толпа мальчиков, выбегавших из классов и не обращавших никакого внимания на «высокого гостя». Вот как рассказал об этом эпизоде соученик Лермонтова, будущий военный министр Д.А.Милютин: «<...> Можно представить себе, какое впечатление произвела эта вольница на самодержца, привыкшего к чинному, натянутому строю петербургских военно-учебных заведений. Со своей же стороны толпа не обратила никакого внимания на появление величественной фигуры императора, который прошел вдоль всего коридора среди бушующей массы, никем не узанный, и наконец вошел в наш класс, где многие ученики уже сидели на своих местах в ожидании начала урока. Тут произошла весьма комическая сцена: единственный из всех воспитанников пансиона, видевший государя в Царском Селе – Булгаков – узнал его и, встав с места, громко приветствовал: «Здравия желаю вашему величеству!» Все другие крайне изумились этой выходке товарища, сидевшие рядом с ним даже выразили вслух негодование на такое неуместное приветствие вошедшему «генералу»... Озадаченный, разгневанный государь, не сказав ни слова,

прошел далее в шестой класс и только здесь наткнулся на одного из надзирателей, которому грозно приказал немедленно собрать всех воспитанников в актовый зал... Император, возвратившись в зал, излил весь свой гнев на начальство и на нас с такой грозной энергией, какой нам никогда и не снилось». <...> Посещение Николая I оказалось для пансиона роковым: пансион был превращен в обыкновенную гимназию, для наказания провинившихся были введены телесные расправы (Николай считал порку универсальным педагогическим средством и вводил ее везде, где только мог)¹⁹.

Царственный любитель «парадов и мазурки» подтвердил через десятилетие, прошедшее с момента событий описанных в комедии «Горе от ума», правоту и убедительность жизненной философии Скалозуба.

Если Молчалин, находящийся на низшей ступеньке в социальной иерархии фамусовского общества, в качестве жизненной стратегии выбирает лицемерие и лицедейство (мы всегда видим его личины и только Лиза подобие лица), то Скалозуб, находящийся на вершине этой иерархии циничен и прямодушен, потому что на его стороне два аргумента, против которых бессильны сатиры Чацкого. Молчалин и Скалозуб не боятся Чацкого и не распространяют слух о его сумасшествии, потому что для первого он слишком наивен и самоуверен, а для второго – смешон, как, впрочем, и все остальные герои комедии.

Чацкий смеется над Фамусовым, но не осознает, в чем и в ком кроется страшная сила фамусовского общества: она в изворотливости и неуязвимости Молчалина и цинической опоре на «золото и булат» Скалозуба, который благодаря этому недостижим для Чацкого.

Увы, Чацкий покидает дом Фамусов как проигранное поле битвы, а Скалозуб и Молчалин торжествуют победу... но победу над тем у кого, по его собственному признанию «ум с сердцем не в ладу», а вот «холодному уму» (А.С. Пушкин) Грибоедова им противопоставить нечего.

А.С. Грибоедов оказался удивительно прозорлив: он предсказал судьбу исторического прототипа Чацкого П.Я. Чаадаева, которого по высочайшему повелению Николая I объявили сумасшедшим, он предсказал и судьбу российского либерального образования в николаевскую эпоху. И все-таки главное в другом: те, кто на сцене оказался недостижим для филиппик Чацкого, смешны в жизни, потому что стали узнаваемы, благодаря комедии Грибоедова. Он – «умное действующее лицо» отечественной истории и культуры, которое побуждает новоявленных Молчаливых и Скалозубов быть осторожнее, чтобы опять не превратиться в комических персонажей, пусть и облеченных властью и властью обласканных. Благодаря Грибоедову, они «не блаженствуют на свете», потому что, в отличие от Чацкого, мы знаем им истинную цену.

---

¹⁹ Лотман Ю.М. Учебник по русской литературе для средней школы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 130 – 131.